

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.9>

Иванова Эльвира Васильевна

Устно-поэтические традиции в художественном творчестве Григория Чинкова

Цель исследования - определить роль устно-поэтической традиции в художественном творчестве Григория Чинкова на первом этапе истории формирования эвенкийской литературы. В статье рассматривается произведение Григория Чинкова "Сулакичан", опубликованное в 1940 году и до настоящего времени практически не исследованное в литературоведении. Научная новизна работы заключается в подтверждении выдвинутой ее автором гипотезы о том, что опора на фольклорные традиции является одной из закономерностей становления младописьменной эвенкийской литературы в начале XX века. В результате доказано, что творческий подход к мифам, сказаниям, песенному творчеству эвенков позволил Григорию Чинкову создать оригинальное произведение на родном языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/8/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 42-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.9>

Дата поступления рукописи: 25.05.2020

Цель исследования – определить роль устно-поэтической традиции в художественном творчестве Григория Чинкова на первом этапе истории формирования эвенкийской литературы. В статье рассматривается произведение Григория Чинкова «Сулакичан», опубликованное в 1940 году и до настоящего времени практически не исследованное в литературоведении. **Научная новизна** работы заключается в подтверждении выдвинутой ее автором гипотезы о том, что опора на фольклорные традиции является одной из закономерностей становления младописьменной эвенкийской литературы в начале XX века. **В результате** доказано, что творческий подход к мифам, сказаниям, песенному творчеству эвенков позволил Григорию Чинкову создать оригинальное произведение на родном языке.

Ключевые слова и фразы: Г. Чинков; эвенкийская литература; мифы; героические сказания; художественное творчество.

Иванова Эльвира Васильевна, к. филол. н., доц.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
tekeni@mail.ru

Устно-поэтические традиции в художественном творчестве Григория Чинкова

Формирование эвенкийской национальной литературы неразрывно связано с традициями устно-поэтического творчества в культуре эвенков. В статье «Песнопения Григория Чинкова – основоположника эвенкийской литературы» нами было установлено жанровое сходство авторских стихотворений с фольклорными песнями-импровизациями эвенков [6].

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) проанализировать, как использованы устно-поэтические традиции в творчестве Григория Чинкова для того, чтобы определить роль фольклорного влияния на первом этапе истории эвенкийской литературы; 2) рассмотреть художественные особенности произведения «Сулакичан» для того, чтобы выявить индивидуально-авторское начало в период становления младописьменной литературы.

В нашей работе для достижения поставленной цели используются такие **методы исследования**, как историко-генетический и типологический. Историко-генетический метод позволит установить истоки литературного произведения, а использование типологического метода будет способствовать обнаружению закономерностей, способствующих появлению первых письменных художественных текстов на эвенкийском языке.

Актуальность исследования имеет общеметодологическое значение в рамках научного изучения и осмысления феномена появления младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока в начале прошлого века, к которым относятся и эвенкийская литература.

Фольклорист и литературовед М. Азадовский указывал на то, что «анализ источников позволяет не только вскрыть историю памятника и установить состав образующих его элементов, но дает материал для объяснения источников творчества и исходных позиций автора» [1, с. 65]. Обращение к фольклорному наследию, как известно, – одна из закономерностей становления художественного письменного слова. Выдающийся ученый-фольклорист В. Я. Пропп в свое время отмечал: «Мы знаем теперь, что эта ранняя, первая литература сплошь или почти сплошь есть фольклор. Начало литературы есть занесенный на письмена фольклор... Правда, это не просто фольклор, а фольклор в отражениях и преломлениях» [9, с. 31].

Теоретической базой исследования послужили труды В. Я. Проппа, М. Азадовского, в которых рассматривается взаимосвязь литературы и фольклора, а также работы Г. М. Василевич, М. Г. Воскобойникова, Г. И. Варламовой, посвященные эвенкийскому фольклору.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при чтении курсов лекций по дисциплинам «Литература народов РФ», «История литератур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Эвенкийская литература» в вузовском обучении по направлению «Филология», а также в исследовательской работе по изучению младописьменных литератур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Произведение «Сулакичан» состоит из трех частей. В первой части говорится об Ихэгдыкэне – человеке, отправившемся на поиски пищи, и встрече его с Сулакичаном (Лисом), обмане и бегстве зверя. Во второй части Ихэгдыкэн находит и наказывает беглеца, получает в награду от него невесту. Затем Сулакичан вновь обманывает своего хозяина и отправляется в бега. В третьей части Сулакичан продолжает обманом добывать себе пищу, став могущественным среди животных.

В эвенкийском фольклоре лиса является ведущим персонажем. М. Г. Воскобойников отмечал, что различные вариации сюжетов о ней могут объединяться в единый текст, героем которого может быть как животное, так и человек. В эпосе сахалинских эвенков существуют эпизоды их борьбы друг с другом [4, с. 7]. Г. И. Варламова писала, что в устном народном творчестве эвенков различные мифологические мотивы и образы эволюционировали в связные эпические повествования. Одним из примеров стал «цикл мифов о похождениях лиса Хуляна» [2, с. 31-32]. Но публикации подобных циклов о лисе нами не обнаружены,

поэтому не представляется возможным сопоставление их с авторским произведением Г. Чинкова. Вместе с тем можно провести сравнение зафиксированных в различных сборниках фольклорных материалов о лисе с литературной версией. Это позволит нам установить художественные особенности текста Г. Чинкова.

М. Г. Воскобойников писал, что Григория Чинкова «контаминация сюжетов животного эпоса навела на мысль... создать сказку-поэму о похождениях лисы (“Сулакичан”)...» [5, с. 32]. В связи с этим уместны слова М. Ч. Ларионовой о том, что «когда литература только формирует свою художественную систему, ей трудно полностью игнорировать предшествующую и продолжающую существовать культурную традицию» [8].

Преэминентность культурной традиции, т.е. опора на мифофольклорные истоки, прослеживается в произведении эвенкийского автора на структурном и содержательном уровнях. Текст отчасти композиционно повторяет фольклорную модель героического сказания эвенков: одинокий герой, путешествие, встреча с другим богатырем, борьба с ним, награда – невеста. Остановимся подробнее на вышесказанном.

Художественное произведение начинается с традиционного зачина, характерного для героического эпоса. Это описание жизни героя, особенностью которой является одиночество. В «Сулакичане», как и в эвенкийских сказаниях, формула одиночества выражена в том, что 1) герой не имеет родителей; 2) герой не имеет сестру или брата; 3) герой не имеет домашних животных; 4) герою не с кем общаться [2, с. 60]. Приведем строки из текста Чинкова: «Горово-гу биденэви, / Дагава-гу биденэви – / Энээн-дэ садерэ. / Бугаяви гиркудячан. / Бираңилви дэрэрэтын / Манадяна гиркудяран. / Дуннэвэз манадяна, / Бэйңэсэлээн тэсидерэн» [10, с. 3]. / Долго ли жил он, / Мало ли жил он – / Сам не зная, / По своей земле бродил. По верховьям рек своих, / Все опустошая, ходил. / Землю опустошая, / Зверей сметает (съедает) (здесь и далее перевод наш. – Э. И.).

Сюжетообразующим мотивом в произведении является мотив пути. В эвенкийских сказаниях путешествие богатыря осуществляется в целях поиска другого богатыря, пищи или невесты [2]. Движение главного героя Ихэгдыкэна обусловлено поиском пищи: «Бугаялви бэйңэлээн / Дагалин албадяран / Энээн-дэ бакадяра / Бираяңми эмэдерэн» [10, с. 3]. / На земле своей зверей / Поблизости не может найти, / К реке идет. Прощание героя с родиной является одним из элементов повествования в эпосе. Оно связано с мифологическими представлениями о происхождении героя, где его родителем может быть жилище, очаг, земля [2]. Ихэгдыкэн расстается с родным стойбищем, родной рекой, родным чумом, ассоциирующимися с землей, которая в данном произведении выступает в функции его родителя. Уходя из родных мест, герой чувствует себя «эмукчэнин» (одиноким), «чаңиткачин» (бродягой), «аңадянчачин» (сиротой) [10, с. 4].

Встреча двух персонажей в произведении происходит согласно канонам ее описания в фольклоре эвенков. Обитатели земли, встречаясь, не знают, как вести себя. Когда пути Ихэгдыкэна и Сулакичана пересеклись, то они: «Мэмэшилвэр адуламатчэнэл, / Дэңкилтэкэн илитчара / Онигда-да салдыцатвэр / Энэл сарэ, илитчара. / Ноновриван алатчэрэ. / Мэмэшилдуквэр халдетчэнэл, / Гулдыривэр алатчэрэ» [Там же, с. 5]. / Друг другом любуюсь, / Напротив друг друга стоят. / Как познакомиться / Не зная, стоят. / Начала ждут. / Друг друга стеснясь, / Разговор ждут. Время ожидания начала диалога выражено хроноактом, характерным для эпических сказаний, где его длительность включает в себя годы, подчеркивающие и усиливающие необычность и эпичность действия [11]. Приведем пример сказанного: «Аңғани-да илтэндэрэн, / Тыргани-да манавдяран. / Адыллава аяматнаватын / Ңи-дэ эчэн садерэ» [10, с. 6]. / Год проходит, / День заканчивается. / Сколько любовались – / Никто не знает.

Имена персонажей в сказаниях, как правило, раскрывают особенности их качеств или функций. Рассмотрим имя «Ихэгдыкэн». В монографии Галины Кэптукэ «Эвенкийский нимчакан» отмечается, что в фольклоре образ Ихэгдыкэна архаичен: он хозяин земли, ему подчинен животный мир [7, с. 87]. Таким образом, его имя может указывать на то, что он, вероятно, является одним из духов природы.

При первой встрече Сулакичан обращается к Ихэгдыкэну следующим образом: «Аги-Буга бэенде» [10, с. 6]. / Тайги-Земли человечище. В слове «бэенде» (человечище) суффикс *-нде* придает существительному оттенок значимости и уважительности. В эпизоде, где человек рассказывает о себе Сулакичану, он назван «Аги-Буга Ихэгдыкэн» [Там же]. / Тайги-Земли Ихэгдыкэн. Примером отношения Сулакичана к Ихэгдыкэну может служить употребление особой вокативной (звательной) формы существительного «акайи» (старший братец), образованной при помощи аффикса *-йи* [Там же]. Г. И. Варламова отмечала, что в эвенкийских мифах-первотворениях животные, согласно замыслу творца, мыслятся «людьми», родственниками друг другу и человеку, они наделены речью и способностью понимать друг друга [2, с. 42]. В тексте Г. Чинкова встречаются следующие наименования человека: «Ихэгдыкэн бэекэн-дэ, / Ихэгдыкэн матакан-дэ» [10, с. 8]. / Ихэгдыкэн человек/мужчина/друг, / Ихэгдыкэн свойственник/богатырь. В подстрочнике текста Чинкова слова «бэекэн-дэ» и «матакан-дэ» переведены как «человек». В эпизоде погони за Сулакичаном использовано следующее определение человека: «Дулин-буга Ихэгдыкэнин» [Там же, с. 11]. / Ихэгдыкэн со Средней земли. В этом же эпизоде ему дана такая характеристика: «Сониң бэе бидексэкэн» [Там же]. / Будучи богатырем, храбрым/хорошим охотником.

Теперь обратимся к имени другого главного персонажа «Аги-Буга Сулакичанин» [Там же, с. 4]. / Тайги-Земли Сулакичан. В слове «Сулакичан» аффикс *-чан* придает существительному «Сулаки» (Лис) оттенок пренебрежительности и уничижительности, который утрачивается при переводе на русский язык. В имени «Сулакичан» на эвенкийском языке содержится характеристика животного «Неприятный, лживый, изворотливый Лис». В качестве примера приведем следующие строки: «Савкая-дя биденэкэн, / Савкави-гу омңодөдөн / Гиркиеви улэқкичиден» [Там же, с. 7]. / Будучи обманщиком/хитрецом, / Разве забудет хитрость, / Своего друга обманет.

Приведенные примеры имен двух героев являются «говорящими», т.е. раскрывают особенности каждого персонажа, равно как и в эпической традиции эвенков.

В эвенкийских сказаниях герои обладают богатырской силой. Это качество присуще и персонажам произведения Григория Чинкова. Так, например, могучесть Ихэгдыкэна представлена в описании, типичном для эпоса: «*Нуңан-да нэ́эри́дун / Иманнагда учивдэ́ран. / Э́ңсигдэ́ сугигачин / Амаргидан тамна́дэ́ран. / Аягда сэ́син хуктынэгэ́чин, / Удя́н-да ту́лэлэ́дерэн. / Сута́ду-да иманна́ду / Э́симэн-дэ́ дя́вэ́дэ́ра*» [Там же, с. 4]. / От его ходьбы/шага / Снежище взвивается/клубится. / Сильным вихрем / За ним туманится. / Словно бегом хорошего табуна, / След его утаптывается. / В глубоком снегу / Не застревает.

Сулакичан, хоть и не богатырь, но выделяется среди других обитателей тайги. При знакомстве с Ихэгдыкэном он расхваливает себя: «*Сули, сули-доро! / Би-дэ́ бэе оё́лив / Тургэндиви тургэн, / Бэйңэ-дэ́ ачин биде́эн*» [Там же, с. 6]. / Я-то человека в своей скорости быстрее, / Да и зверя нет такого (как я). В приведенном отрывке слова «*Сули, сули-доро*» являются словами запева. В нимцаканах (сказаниях) они маркируют пение персонажа, как правило, их сложно расшифровать [11, с. 84]. Некоторые из них могут быть связаны с названием рода или именем героев. Последнее относится к запеву Сулакичана: «*Сули, сули-доро*» [10, с. 6].

В эпосе развитие сюжета связано с конфликтом богатырей, итогом которого становится наказание противника. В произведении Чинкова также возникает коллизия, обусловленная животной натурой Сулакичана: «*Бэйңэ-дэ́ биде́энэ́н / Бэ́нун-ну́ бимуде́ден. / Бэйңэ́ңил дя́лли́н-да / А́гиятки та́нчэ́дерэ́*» [Там же, с. 15]. / Будучи зверем, / С человеком захотел жить. / Но звериные мысли / В лес тянут. Коварство зверя проявляется в том, что он сбегает от Ихэгдыкэна, съев его оленей. Богатырь отправляется в погону за ним и находит его. Здесь Чинков использует культовый миф, который, с одной стороны, органично вписался в произведение, художественно представив встречу Сулакичана и Ихэгдыкэна, а с другой – является отдельным повествованием о возникновении шаманизма. В этой связи необходимо помнить, что речь идет о содержании мифа, отсюда некоторая схематичность и обобщенность в изображении культового явления. На сакральность мифологического сюжета, по нашему мнению, могут указывать следующие элементы, обнаруживаемые в тексте: приобретение духов помощников, избрание Ихэгдыкэна шаманом, камлание, получение ответа.

1. Приобретение духов помощников

В произведении в качестве духов-помощников выступают черви и мыши, которых Ихэгдыкэн находит, устремившись в погону за Сулакичаном: «*Куликарвэ́ камуйдэ́ран / Э́эни́лви долду́литын / Куликарвэ́ гэлэ́ктэ́риду́ви / Си́ңэ́рэкэрвэ́ гэлэ́ктэ́риду́ви / Ко́ңдоё́рво моя́лва-да / Э́симэн-дэ́ сула́дэ́ра*» [Там же, с. 11]. / Червей собирает, / Подмышки/пазухи наполняет. / В поисках червей, / В поисках мышей / Дырявые деревья / Не оставляет. Интересно в приведенном отрывке то, что слово «*куликарвэ́*» в подстрочнике переведено как «червей», хотя в ритуальных действиях оно означало духов-помощников в образе различных пресмыкающихся.

2. Избрание шаманом Ихэгдыкэна

В традиционной культуре эвенков человек мог быть «избранным» в шаманы духами-предками. Избранник заболел «шаманской болезнью», испытывая различные страдания на эмоциональном, психическом и физиологическом уровнях. В произведении, как и в мифе, объяснение того, как появились шаманы, раскрывается в диалоге Ихэгдыкэна с лисами.

Ихэгдыкэн обращается к лисам: «*Балага́ду биде́рил-дэ́, / Айкарди долча́ткалу́! / Э́маяду дунне́ду / Самая́в ичэ́эсун? / Ичэ́эл-дэ́ биде́ми-дэ́, / Минты́ки-дэ́ улгуркэ́ллу. / Э́ксисун-дэ́ саде́рэ-ңэ́н, / Би́ңсун-дэ́ саманде́лим*» [Там же, с. 12-13]. / Живущие в балагане, / Хорошенько слушайте! / В каких землях / Шамана видели? / Если видели, / Мне расскажите. / Если не знаете, / Буду я шаманить.

Лисы отвечают ему: «*Самая́-да ту́рэвэ́н / Э́сив, э́сив саде́рэ́нэ́н! / Балды́ксака́р самая́вэ́ / Э́чинмун-дэ́ ичэ́дерэ́. / Си́гэ́кэн-дэ́ саманде́кис, / А́яма́ңан-да биде́мчэ́нэ́н*» [Там же, с. 13]. / Слово шаман / Не знаем! / С рождения шамана / И не видели. / Если бы ты пошаманил, / Хорошо бы стало.

3. Камлание

Действия Ихэгдыкэна перед входом в балаган к лисам похожи на камлание, целью которого, очевидно, является поиск обидчика. Он выпускает своих духов-помощников для того, чтобы они нашли Сулакичана.

«*Ихэгды́кэн мата́кан-дэ́ / У́ркэ́дутын хэ́килде́рэн. / Калбу́ялви гу́рэ́денэ́, / Тэ́ттые́ви имэ́ннэлгэ́рэн. / Кули́ңили́н бичэ́кэ́ртын / Тэ́ринты́ки хэ́тэ́ксчэ́рэ. / Балага́нин кэ́ргэ́евэ́н / У́пкэ́тван-да ине́вкэ́нэ́н*» [Там же]. / Ихэгдыкэн богатырь / В дверях начинает переступать с ноги на ногу. / Свой пояс развязывает, / Развязывает тесемки на одежде. / Черви, которые были у него, / По сторонам скачут. / Семья балагана / Вся засмеялась.

4. Получение ответа

В эвенкийской культуре шаман по просьбе сородичей совершал ритуальные действия для того, чтобы помочь им в насущных делах. В произведении результатом камлания стало то, что Ихэгдыкэн обнаруживает Сулакичана. В мифах человек находит зверя по сломанному зубу. В данном эпизоде также есть упоминание о беззубости Сулакичана, но находит его Ихэгдыкэн благодаря своему дару: «*Ихэгды́кэн мата́кан-дэ́ / Саматка́р-дэ́ биде́нэ́кэн, / Сулаки́чанңи та́кчэ́синэ́н, / Ситки́еду ды́кэ́нчэ́деривэ́н. / И́ктэ́-дэ́ ачин бэйңэ́ / Кули́ярди ине́дерэ́н*» [Там же]. / Ихэгдыкэн богатырь, / Будучи шаманом, / Сулакичана узнал, / У стенки при- таившегося. / Беззубый зверь / Смеется над червями.

Художественное решение Григория Чинкова украсило и обогатило произведение, позволив автору обострить конфликт и привести его к развязке. Важным эпизодом в героическом эпосе является приобретение невесты, связанное с борьбой за нее или ее получением в результате победы над противником. В «Сулакичане» человек, найдя зверя, не церемонится с ним: «*Ихэгды́кэн мата́кан-да / Малутки́-да хэ́тэ́кэ́нэ́н. / Сулаки́чаңи дя́варан. / Кавка́дукин дя́вуча́дяна, / Дунне́ели и́рукта́дэ́ран*» [Там же]. / Ихэгдыкэн богатырь / Прыгнул в середину. / Поймал Сулакичана. / За глотку схватив, / По земле тащит.

Сулакичан слезно умоляет Ихэгдыкэна оставить ему жизнь: «*Ака́й, ака́й Ихэгды́кэн! / Э́кэл, э́кэл му́ңде́рэ-дэ́ / Э́дукте́эн о́дяра́кин, / Э́тэ́мде́нэ́н улэ́киттэ́. / И́нкинди э́мэ́ндэ́рэ́кис, / А́сияс-та ба́камчав-гу́*» [Там же, с. 14]. /

Братец, братец Ихэгдыкэн! / Не бей, не бей. / С этих пор / Перестану обманывать. / Если оставишь живым, / Жену бы тебе нашел. Сулакичан выполняет свое обещание, обманом и угрозами отобрав девушку Секанкак у стариков родителей.

Таким образом, в тексте Григория Чинкова прослеживаются важные структурные элементы, характерные для эпоса эвенков. Это одинокий герой Ихэгдыкэн, его путешествие в поисках пищи, встреча с Сулакичаном, приобретение невесты.

Содержательную сторону произведения обогащает привлечение автором мифологических сюжетов. Жанрово они относятся к мифам-первотворениям. Творческий подход к ним Григория Чинкова позволил создать ему целостное и интересное произведение. Перечислим мифологические сюжеты, получившие художественную интерпретацию в произведении эвенкийского автора:

1. Лиса, наобещав человеку, заставляет человека везти ее на нартах. / Лиса уговаривает женщин ехать добывать рыбу. По пути лиса, обманув женщин, поедает из торсуков муку (мясо). / Лиса крадет рыбу с воза (на реке), притворившись спящей.

2. Лиса договаривается с человеком, иногда с рябчиком пасти оленей. Лиса поедает оленей на пастбище, обманув старика (рябчика).

3. Лиса, одарив охотника чудодейственным котелком (поварешкой), забирает у охотника оленей.

4. Лиса, съев на пастбище оленей старика, обманывает его жену (дочь). Жена (дочь), поверив лисе, отдает ей кусочки сала.

5. Лиса, запугав птичку, поедает ее яйца (птенцов).

6. Лиса выстраивает на берегу моря медведя, нерпу, тюленя и считает их. Обманув медведя, лиса убивает его.

7. Лиса обманывает медведя (росомаху, старика), сбрасывая его во время сна со скалы.

8. Лиса обманом заставляет волка (медведя) приморозить в проруби (наледи) хвост [5, с. 28-30].

Образ Сулакичана в произведении Чинкова – аллегоричен. Животное представлено пронырливым, хитрым и коварным. Персонажи мифологических сюжетов не знают свойств друг друга, поэтому Сулакичан обманом достигает своей цели. Ведущим мотивом, объединяющим мифы, является мотив пути. Сулакичан (Лис) рыщет по тайге в поисках пропитания, наводя ужас на ее обитателей. Назовем те, которые встречаются в тексте эвенкийского автора:

1) Сулакичан просит летягу отдать птенцов ему на съедение, угрожает сломать ее дом и съесть саму летягу (в мифе лиса, запугав птичку, поедает ее яйца (птенцов));

2) Сулакичан обманывает нерп и выбирается с острова (в мифе лиса выстраивает на берегу моря медведя, нерпу, тюленя и считает их);

3) Сулакичан затевает игру с медведем, сбрасывает его с горы и съедает (в мифе лиса обманывает медведя (росомаху, старика), сбрасывая его во время сна со скалы);

4) Сулакичан съедает замерзших в реке волков, которые по его совету опустили хвосты в реку (в мифе лиса обманом заставляет волка (медведя) приморозить в проруби (наледи) хвост).

Особенность произведения Григория Чинкова заключается в творческом подходе к фольклорному наследию. Эвенкийский поэт не только записал известные ему сюжеты о лисе, но и создал особую эстетическую реальность. В ней единство, целостность и занимательность обеспечиваются принципом изображения поведения персонажей. Мифофольклорные герои «оживают» в авторском тексте. Это не просто цепь эпизодов, объединенных образами Ихэгдыкэна и Сулакичана. В них персонажи испытывают жалость, смущение, гнев, злость, страх, поэтому есть основания говорить о художественности произведения Григория Чинкова.

Так, например, в эпизоде, где Сулакичан сломал ногу, использование фигуры прибавления (гомеологии), построенной на морфемном повторе, придает эмоциональность и выразительность высказыванию: «Тэпкэтеви тэпкэдерэн / Соңоётви соңодёрон» [10, с. 7]. / Криком кричит, / Плачем плачет.

Нерпы после встречи с Сулакичаном испытывают стыд от того, что тот обхитрил их: «Ламу-буга кумасалин / Халденэвэр соядун-да / Ламуяңмар хэрэлин / Догур, догур нэнэдерэ» [Там же, с. 24]. / Нерпы моря / От стыда великого / На дно моря / Вглубь, вглубь уходят.

Могущество Сулакичана подчеркивают такие строки: «Аги-Буга Сулакичанин / Упкатватын ачиндияран. / Аги-буга Сулакичанин / Упкату-да нэлэпчумэ» [Там же, с. 28]. / Сулакичан тайги / Всех уничтожает. / Сулакичан тайги / Всем страшен.

Отношение Ихэгдыкэна к Сулакичану меняется на протяжении всего повествования. Он сочувствует и помогает зверю в беде: «Гиркиен-дэ болгодёно / Элэмэтеви эмэдерэн. / Бэйңэңми муландэнэ, / Дюкэли туксадыран / Инамукталин чургияра» [Там же, с. 7]. / А друг его взволнованно / Из всех сил идет. / Жалея зверя, / По льду бежит. / Слезы его капают.

После обнаружения обмана Сулакичана негодование Ихэгдыкэна передано следующим образом: «Тыкулнави соядун-да / Аран-аран эчэн дэлэргэрэ» [Там же, с. 10]. / От сильного гнева / Едва-едва не лопнул. Прием гиперболизации при описании изменения внешности персонажа в гневе используется в эпических сказаниях.

Досада Ихэгдыкэна отражена в его раздумьях о Сулакичане: «Бэйңэлвэ-дэ бэюктэдери / Эңкиндеңэн муландяра? / Агия-да бэйңэлвэн / Эдяңанда муландячан?» [Там же, с. 16]. / На зверей охотящийся, / Зачем пожалел? / Над зверем тайги / Зачем сожалелся?

Великодушие Ихэгдыкэна проявляется в том, что он прощает Сулакичана за его проделки: «Ихэгдыкэн матакан-дэ, / Сулакичанми муландекса, / Агиял-да дуннэлдутын / Булэнми-дэ хуктывкэнэн. / Иникин-дэ биденэкэн, / Авгара-да биденэкэн, / Аивукин-да биденэкэн, / Бираңилви гиркудягин» [Там же, с. 28]. /

Ихэгдыкэн-человек, / Сулакичана жалея, / По тайге и земле / Злодея отпустил бегать. / И живым будучи, / И здоровым будучи, / И сытым будучи, / По рекам моим пусть бродит.

Приведенные примеры показывают не статичных персонажей мифофольклорных сюжетов, они в произведении Г. Чинкова наделены способностью испытывать разные чувства.

Необходимо сказать и о ритмической организации текста «Сулакичан». Она, в первую очередь, достигается за счет графического представления. Произведение разделено на строфы, состоящие в основном из 4 стихов перекрестной рифмы.

*Сулакичанин савканадяна
Тэпкэетви тэпкэдерэн
Халгаяви энукеденэ,
Соңоётви соңодёрон* [Там же, с. 7].

Сулакичан, привыкший хитрить,
Криком кричит,
На ногу жалуясь,
Плачем плачет.

Следующей особенностью ритмической организации произведения Чинкова является соразмерность стихов в строфе за счет использования одинакового количества слогов.

*Ихэгдыкэн матакан-да
Толгокиви эмэндэрэн
Энэкэн-дэ мэргэдерэ,
Сулакиңми удясинан* [Там же, с. 10].

Ихэгдыкэн-человек
Сани оставляет,
Ни о чем не думая,
По следам Сулакичана погнался.

Другим важным элементом ритмического/звукового оформления в тексте эвенкийского автора является использование им различных стилистических фигур, выполняющих функцию упорядочивания, связности и экспрессивности.

Так, например, в эпизоде, где Ихэгдыкэн отправляется в путешествие, обязательная формула прощания в эвенкийских сказаниях одинокого героя с родителем, в роли которого может выступать жилище, очаг, земля, усилена анафорой.

*Балдыдякъя урикитви,
Балдыдякъя бираяңми,
Балдыдякъя дюкчамиви
Эмэндэнэ, хуэтчэрэн* [Там же, с. 5].

Родную стоянку,
Родную реку,
Родной чум
Покидая, уходит.

В другом отрывке применение морфемной анафоры во втором, третьем и четвертом стихах придает им яркость и образность.

*Бираңилви, урэңилви,
Бэюктэнэ гиркудям-да.
Бэйңэлвэн манаксакан
Бэйңэчиче дуннэе гэлэктэдем* [Там же, с. 6].

По своим реками, по своим горам,
Охотясь, хожу.
Зверей прикончив,
Зверьями богатую землю ищу.

При описании встречи медведя с Сулакичаном эпифора во втором и третьем стихах акцентирует внимание на характеристике медведя, который оказался беспечным при встрече с Сулакичаном. Коварный Сулакичан, обманув медведя, съел его.

*Аги-буга хомотыян
Иргэчи-дэ биденэкэн,
Дяличи-да биденэкэн
Дюлэски-гу дялдадеден* [Там же, с. 25].

Тайги медведь,
И разумным будучи,
И рассудительным будучи,
О будущем будет ли думать?

Ритмико-смысловая организация в произведении Г. Чинкова также обеспечивается использованием синтаксического параллелизма. В приведенном ниже отрывке автор интонационно подчеркивает сущность природы Сулакичана, который всегда находит выход из затруднительной ситуации.

*Аги-буга Сулакичанин
Горово-гу соңодёден?
Аги-буга Сулакичанин
Горово-гу дялдадеден?* [Там же, с. 20].

Тайги Сулакичан
Долго ли будет плакать?
Тайги Сулакичан
Долго ли будет думать?

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Творчество эвенкийского автора Григория Чинкова связано с первым этапом развития истории эвенкийской литературы. Выявление истоков художественного творчества на примере произведения «Сулакичан» показало, что текст эвенкийского автора, с одной стороны, представляет собой образец устного эпического наследия эвенков о похождениях *Сулакичана* (Лиса), а с другой – является авторским произведением.

Григорий Чинков органично, художественно непротиворечиво объединил в своем произведении два жанра – миф и сказание. Это история путешествия Ихэгдыкэна, генетически восходящая к эпосу, и рассказ о похождениях Сулакичана, основанный на мифах-первотворениях. Эвенкийский автор не только записал известные ему мифофольклорные сюжеты о Сулакичане (Лисе) и человеке, но и придал своему тексту определенную структурность и художественность, что, в свою очередь, связано с литературным началом. Таким

образом, изучение истоков творчества Григория Чинкова подтверждает одну из закономерностей становления литературы, выражающейся в опоре на устно-поэтические традиции этноса.

Недостаточная изученность творчества эвенкийских авторов на эвенкийском языке в настоящее время открывает перспективы рассмотрения методологических подходов при изучении поэтики художественных произведений младописьменной литературы.

Список источников

1. Азадовский М. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л.: Художественная литература, 1938. 293 с.
2. Варламова Г. И. (Кэптукэ) Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 373 с.
3. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. М. – Л.: Наука, 1966. 399 с.
4. Воскобойников М. Г. Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1967. 182 с.
5. Воскобойников М. Г. Эвенкийский фольклор. Л.: Учпедгиз, 1960. 338 с.
6. Иванова Э. В. Песнопения Григория Чинкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 204-208.
7. Кэптукэ Г. И. Эвенкийский нимцакан (миф и героическое сказание). Якутск: Северовед, 2000. 140 с.
8. Ларионова М. Ч. Древнерусская литература и фольклор: историко-культурный контекст [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssc-ras.ru/files/files/95-100_Larionova.pdf (дата обращения: 08.11.2019).
9. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
10. Чинков-Эден Г. Сулакичан. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отд-е, 1940. 50 с.
11. Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.

Oral Poetical Tradition in Grigory Chinkov's Artistic Creative Work

Ivanova Elvira Vasilyevna, PhD

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
tekenmi@mail.ru

The paper aims to identify the role of the oral poetical tradition in Grigory Chinkov's artistic creative work at the early stage of the Evenk literature formation. The article examines Chinkov's poetical work "Sulakichan" (1940), which has not been previously investigated in domestic literary criticism. Scientific originality of the study involves justification of the proposed hypothesis that the newly written Evenk literature of the beginning of the XX century developed on the basis of folkloric traditions. The conclusion is made that the creative approach to interpreting the Evenk myths, legends and songs allowed Grigory Chinkov to create an original poetical work in his native language.

Key words and phrases: G. Chinkov; Evenk literature; myths; heroic legends; artistic creative work.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.10>

Дата поступления рукописи: 15.06.2020

Цель исследования – выявить особенности внутреннего сюжета в тексте стихотворной драмы народного писателя Якутии И. Гоголева «Долина Кёряйи». На основе анализа сюжетостроения драмы в стихах выявляются концепты, «случайные реплики», рассматриваются сквозные образы и мотивы, которые служат раскрытию внутреннего сюжета в драме. В тексте также определяется функция хора как один из аспектов выявления сквозных мотивов в творчестве поэта-драматурга. **Научная новизна** исследования заключается в системном анализе «драмы поэта» как жанрового образования на материале якутского писателя. **В результате** доказано, что внутренний сюжет, связанный с лирическим началом и формой выражения авторского сознания, является одним из жанрообразующих признаков «драмы поэта».

Ключевые слова и фразы: якутская драматургия; «драма поэта»; лирическое начало; внутренний сюжет; подтекст; сквозные образы и мотивы; «случайные реплики»; концепты; И. Гоголев.

Кириллина Мария Афанасьевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
makirillina@mail.ru

Специфика внутреннего сюжета в драме в стихах «Долина Кёряйи» И. Гоголева

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью драматургии И. Гоголева как целостной системы; во-вторых, необходимостью осмысления драматургических текстов народного писателя Якутии в аспекте проблемы «драмы поэта», что позволяет понять особенности поэтики драматургии писателя, процессов жанрово-родовых трансформаций и модификаций в якутской драме.